
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.34

ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ КАК ТРЕТЬЯ МОДАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ¹

Ж. Т. ТОЩЕНКО^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, 125993, г. Москва, Россия

²⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, 117218, г. Москва, Россия

Представлены аргументы, показывающие общество травмы как третью модальность развития. Исследована эволюция идей от представлений о прогрессе к обществу травмы. Сделан вывод о том, что ранее развитие человечества так или иначе рассматривалось только в двух модальностях: эволюция и/или революция. Однако реальный ход истории показал, что такое представление о прогрессе не всегда соответствует реальности. В мышлении представителей социально-гуманитарных наук до сих пор присутствуют, а иногда даже доминируют формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения, о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической базы общества, потреблением благ. Ныне (это одна из новаций) изменяется лишь форма: акцент делается на степени цифровизации социума, экономики, образования, культуры в целом, положительный эффект которой неправомерно абсолютизируется. При трактовке происходящих процессов с позиций двух основных направлений развития – революция и эволюция – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий. Поэтому автор предлагает использовать термин «травма» как специфический, промежуточный вариант между названными путями развития, тем самым превращая его в социальное понятие. Все это позволяет говорить, что и в научном плане появилось принципиально новое понятие – «общество травмы», трактуемое как третья модальность наряду с эволюцией и революцией.

Ключевые слова: общество травмы; развитие; прогресс; эволюция; революция.

¹Фрагмент текста готовящейся к выходу в свет монографии Ж. Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)».

Образец цитирования:

Тощенко ЖТ. Общество травмы как третья модальность развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:4–12.

For citation:

Toshchenko ZhT. The trauma society as the third development modality. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:4–12. Russian.

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета¹⁾, главный научный сотрудник²⁾.

Author:

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and history of sociology, faculty of sociology^a, and chief researcher^b.
zhantosch@mail.ru

THE TRAUMA SOCIETY AS THE THIRD DEVELOPMENT MODALITY

Zh. T. TOSHCHENKO^{a, b}

^a*Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125993, Russia*

^b*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia*

The article presents arguments showing the trauma society as the third development modality. The evolution of ideas is revisited from the progress to a trauma society. It allowed the author to conclude that the development of mankind on previous stages was considered only in two modalities which are evolution and/or revolution. However, the real history has shown that the idea of progress does not always correlate to reality. In the social sciences still present, and sometimes even dominate rooted in the Enlightenment formal-pragmatic ideas about the nature of social well-being as determined by the level of the material and technical base of society, the consumption of goods. Nowadays this is one of the latest innovations and only the form of this argument is changing: the emphasis is on the degree of social, economic, educational and cultural digitalization, which positive effect is absolutized. Interpretation of the ongoing processes from the perspective of two main characteristics of the development directions which are revolution and evolution makes impossible to cover and explain the whole variety of real; just peculiar processes and events. Therefore, the author proposes to use the «trauma» concept as a specific, intermediate version between the mentioned development ways and turns it into a social concept. This allows to say that a fundamentally new concept has appeared in the scientific field which is the trauma society as the third development modality along with evolution and revolution.

Keywords: trauma society; development; progress; evolution; revolution.

Эволюция идей: от представлений о прогрессе к обществу травмы

В научных исследованиях Нового времени, посвященных осмыслению общественных процессов, преобладал один тип анализа развития (реального или желательного) существующего мира – *прогресс*. Не вдаваясь в подробное рассмотрение существующих точек зрения по данной проблеме (для этого существует обширная литература), обратим внимание на то, что идеи прогресса были сформулированы в эпоху Просвещения, когда впервые сложились представления о неуклонном и последовательном развитии человечества. Основным стремлением мыслителей этого периода было найти путем анализа деятельности человеческого разума естественные принципы человеческой жизни (экономической, социальной, политической и духовной). С точки зрения таких сконструированных и, по их мнению, разумных начал подвергались критике все исторически сложившиеся и фактически существовавшие общественные отношения, формы их реализации и средства по их совершенствованию. Особенно ярко эти идеи отражены в трудах французских просветителей. Но прогресс и пути его реализации трактовались по-разному. Во взглядах одной группы мыслителей этой эпохи преобладали идеи постепенного изменения существующих политических режимов путем реформирования (И. Ньютон, Дж. Локк, а затем с определенными критическими суждениями Вольтер, П. Гольбах, Д. Юм). Другая группа, ассоциируемая во Франции с именем Ж.-Ж. Руссо, а в Америке – Т. Джефферсона, придерживалась радикальных, революционных мер по реализации требований прогресса. Идеи и принципы Просвещения были положены в ос-

нову американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина [1].

В дальнейшем почти вся научная литература, а также практически все ее представители вплоть до начала XX в. оперировали идеями прогресса. Несмотря на различие в трактовках, их сближала глубокая убежденность в непрерывности постоянно обогащающегося и усложняющегося процесса исторического развития как всего человечества, так и каждого народа, всех государств и общества. Можно сказать, что самые различные интерпретации этого феномена имели общие черты: прогресс трактовался как движение общества к большей целостности и сложности, гармоничности и структурной упорядоченности, к более совершенному социально-экономическому, социально-политическому и социально-культурному устройству, основанному на преодолении отчуждения человека и полной реализации его творческого потенциала.

Постепенно представления о прогрессе – по мере его осмысления – были дифференцированы: он трактовался как социальный (приближение общества к свободе, равенству и справедливости), экономический (развитие производства и соответствующих экономических отношений, влияющих на удовлетворение материальных и духовных потребностей), духовно-нравственный (личностный рост, полнота раскрытия человеческого потенциала), а также как технико-технологический (изменение средств производства и их совершенствование) процесс. По мнению М. Фуко, прогресс имеет и личностное измерение, представляет собой про-

цесс саморазвития индивида и заключается в открытии на персональном уровне высших ценностей и возможности выхода в своем понимании мира за пределы господствующих о нем представлений [2].

В XX в. особое место занимала трактовка научного прогресса как непрерывного, расширяющегося и углубляющегося познания и освоения окружающего мира, освобождения форм и методов познания от рамок экономической целесообразности и, как следствие, совершенствования норм и оценок научной деятельности [3].

При всей привлекательности такой постановки вопроса достаточно быстро выяснилось, что данное представление о прогрессе в основном было построено на анализе путей развития европейских стран и в большинстве случаев игнорировало имеющиеся отклонения от реального воплощения представлений о нем даже в странах Юго-Восточной Европы, входивших в XIX в. в состав Османской империи. Под это определение прогресса не в полной мере или совсем не подпадали и страны Востока, в которых существовали реальные проявления долговременной консервации экономических и социальных отношений.

Поэтому вполне естественно, что научная мысль стала искать новые объяснения исторического процесса. Одной из убедительных трактовок стала формационная теория К. Маркса. Углубление представлений о прогрессе, о многообразии его проявлений привело К. Маркса к попытке придать этому понятию иную качественную определенность: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [4, с. 7]. Такой подход позволил увидеть не только историческую последовательность в развитии всего человечества, но и определить современное состояние каждого из существующих государств. Согласно современной точке зрения *общественно-экономическая формация* – это стадия общественной эволюции, характеризующаяся определенной ступенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических отношений, которые зависят от нее и определяются ею (подробнее см. [5; 6]). Но и эта теория также носила европоцентристский характер, что впоследствии признал и сам К. Маркс, когда стал осмысливать такой феномен, как азиатский способ производства.

XIX в. породил еще ряд попыток трактовки истории человечества, выявления закономерностей развития, последовательного изменения существующего порядка вещей (теории циклического развития, утопического социализма и др.). Вместе с тем в научном познании стали обращать внимание не только на то, *что* происходит, но и на то, *как* происходят изменения.

Отметим, что все вышеназванные теории и осмысливаемая ими практика прогресса в большинстве случаев оперировали явно или латентно таким понятием, как *эволюция*. Можно даже утверждать, что все научные исследования и попытки описать процесс развития человечества в этот период времени пронизывала глубокая убежденность в последовательном, непрерывном процессе постепенного накопления эволюционных способов развития. Если обобщить имеющиеся точки зрения, то *эволюцию можно определить как форму развития общества, сущностью которой является количественное накопление прогрессивных изменений, подготавливающих качественные преобразования*.

Однако с выходом на общественную арену идей социализма возможность прихода нового общественного строя все больше стала ассоциироваться с идеями *революции*, а не эволюции. Шаг за шагом завоевывала права позиция о возможности кардинального качественного скачка в развитии, который не может быть достигнут путем реформирования общества, а потому требуется другой способ решения назревших общественных проблем – революция. Этот перерыв постепенности, резко изменяющий сущностные, базовые основы общества и прежде всего его социально-экономические и политические отношения, реально проявил себя в английской (XVII в.), французской (XVIII в.) и русских (XX в.) революциях. Позднее эти кардинальные преобразования сути и смены оснований развития проявились в серии национально-освободительных революций в Африке и Азии, а также в социалистических революциях в Китае, Кубе, Вьетнаме.

Однако новые концепции общественного развития, регулярно появляющиеся в течение XX в., так или иначе с различной степенью убедительности продолжали опираться на идеи эволюции. Не останавливаясь подробно на анализе каждой из них (для этого имеется соответствующая литература), можно сказать, что поиски ответа о причинах происходящих кардинальных изменений продолжались. Особое звучание получила теория экономического развития Й. Шумпетера, который впервые ввел в политическую экономию такие термины, как *инвестиции* и *нововведения*, показав их решающую роль и ее значение для осуществления успешной предпринимательской деятельности [7].

В середине XX в. умами многих исследователей и практиков овладела теория Дж. Кейнса, который сформулировал принципиально новые фундаментальные положения, отвергающие основы классической экономической теории XIX в. Он провел уникальный анализ макроэкономических взаимосвязей, на основе которого доказал необходимость активного вмешательства государства в макроэкономическое функционирование рыночного хозяйства [8].

Во второй половине XX в. были осуществлены и другие попытки определить ход развития человечества через понятия *информационного, постиндустриального общества, общества (пост)модерна*. Активно разрабатывались концепции общества благоденствия, социального государства. Появились теории, обосновывающие средства и методы решения экономических и социальных проблем: монетаризм, экономика предложения, теории рациональных ожиданий. Появились и своеобразные концепции вроде *хорошего общества*, которые больше связаны с ожиданиями и мечтами (или с оправданием существующего опыта), чем с существующими практиками (подробнее см. [9]).

Но стоит в то же время сказать, что и слово «революция» не исчезло ни из научного, ни из политического лексикона, хотя в большинстве случаев оно связывалось со стратегическими целями достижения желаемого и требуемого результата. Поэтому в научный обиход вошли такие понятия, как, например, *научно-техническая революция, четвертая промышленная революция, шестой технологический уклад, цифровое общество*, которые описывали иные черты и признаки существующей реальности. В них первостепенное значение приобретали оценки социально-экономической реальности, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп [10, с. 3–10].

На наш взгляд, не давали должного ответа на происходящие общественные изменения и такие концепции, как глобализация, модернизация, поскольку они фиксировали некоторые общие тенденции, игнорируя значительное количество особенностей национального, регионального и культурного развития многих стран. В результате перед государствами ставились ложные цели, имеющие облик правдоподобия, без учета особых факторов, имеющих принципиальное значение для их развития. По мнению ряда исследователей, под упомянутыми глобализацией и модернизацией нередко скрывалась американизация или вестернизация большинства процессов, происходящих в странах, имеющих принципиально иную цивилизационную основу [11].

Что касается идей либерализма, то, как показал ход исторического развития, они тоже не оправдали себя. Более того, они себя дискредитировали, породив идеолого-политические явления толерантности, мультикультурализма, длительное время навязываемые как странам Западной Европы, так и государствам с иным направлением развития. Особенно опасными по своим экономическим, социальным и духовно-культурным последствиям они оказались для стран, находящихся в нестабильном состоянии. В России либералы пытались совместить западно-европейские концепции развития с реальной практикой, отвергающей эти

рекомендации. В результате обществу регулярно предлагались такие «творческие» изыски сторонников либерализма, как концепции догоняющего развития, либеральной империи, консервативной модернизации и подобные, которые обычно вскоре благополучно отвергались из-за своего примитивного смысла. Однако либералы не намерены складывать оружие. В своей аргументации они используют различные способы доказательства верности своих идей: от попыток убедить, что все просчеты и провалы российской экономики случились из-за непоследовательной реализации их идей до навязывания новой теории – *концепции неолиберализма* (курсив мой. – Ж. Т.) (см. [12, с. 25–44]).

К сожалению, некоторые исследователи сосредоточились не на анализе реальной жизни, а на абстрактных логических конструкциях, что выразилось в поиске новых умозрительных концепций. Так, после потери актуальности теориями постмодерна не было придумано ничего иного, кроме как соорудить еще одну концепцию – *постпостмодерн*.

Можно также констатировать, что в мышлении представителей социально-гуманитарных наук до сих пор присутствуют, а иногда даже доминируют формально-прагматические представления, уходящие корнями в эпоху Просвещения, о том, что характер общественного благополучия определяется уровнем материально-технической базы общества, потреблением благ. Ныне (это одна из новаций) изменяется лишь форма: акцент делается на степени цифровизации социума, экономики, образования, культуры в целом, ее положительный эффект неправомерно абсолютизируется.

Отдельно отметим, что в XX в. некоторые исследователи стали на путь полного отрицания идей прогресса. Так, Ж. Бодрийяр выразил апокалиптическую точку зрения, видя в развитии современного общества только регресс и отрыв от реальности [13]. Получили известное распространение идеи антисайентизма, заключающиеся в критическом отношении к науке и ее возможностям познания и использования во благо человечества (подробнее см. [14]).

В этом калейдоскопе концепций, на наш взгляд, особое место занимают теории конвергенции, нацеленные на осмысление прогресса в связи с анализом и сопоставлением состояния и тенденций развития капитализма и социализма, их сравнением и попытками выявления как преимуществ, так и недостатков каждого из них, а также с изучением социалистических идей и практики их реализации в России и других странах. Интересно отметить (это признается многими исследователями), что капиталистические страны реализовали в своем развитии многие предложения по решению существующих социальных проблем, которые предлагались теоретиками и практиками социалистическо-

го пути. Поэтому неудивительно, что со временем возникли теории конвергенции. Сам термин «конвергенция» обозначал сближение двух конкурирующих систем – западной (капиталистической) и советской (социалистической). Ярчайшими ее сторонниками и разработчиками были русско-американский социолог П. А. Сорокин, голландский эконометрик Я. Тинберген, американский экономист-институционалист Дж. Гэлбрейт, французский исследователь Ф. Перру и др. Часто забывают упомянуть в данном контексте американского экономиста У. Ростоу, который в конце 1940-х гг. одним из первых пытался обосновать эту идею.

По мнению этих и других мыслителей, сегодня не применимы ранее используемые понятия *капиталистическое* и *социалистическое* общество. Так, Дж. Гэлбрейт обратил внимание на схожие черты в плановой и рыночной экономиках, что побудило его выдвинуть гипотезу о конвергенции социализма и капитализма. В работе «Американский капитализм», а затем в труде «Новое индустриальное общество» им изложена концепция «противодействующих (уравновешивающих) сил»: бизнеса, рабочего движения и государства, которые противостоят друг другу и тем самым ограничивают и смягчают негативные проявления монополистического капитализма. Дж. Гэлбрейт, по сути, говорил о неизбежности таких изменений, которые должны привести к «новому социализму» [15]. Но и эта концепция в основном полагалась на представление об эволюционном пути развития, доказывая, что взаимное усвоение положительных достижений и избавление от отрицательных черт капитализма и социализма позволит создать гармоничное общество [16].

Такой краткий исторический экскурс позволяет сделать вывод, что развитие человечества так или иначе рассматривалось только в двух модальностях: эволюция и/или революция. Однако реальный ход истории показал, что такое представление о прогрессе очень общо, однозначно и не всегда соответствует реальности. «Представлять себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно» [17, с. 77].

Однако эти две модальности в развитии до сих пор определяют логику значительного количества концепций и в определенной степени логику политических решений во многих странах мира. Но исчерпывают ли они многообразие, усложнение нынешних существующих обществ? Анализ состояния и тенденций развития современного мира выявил, что более 50 не могут быть описаны в ранее используемых понятиях эволюции и революции, поскольку они характеризуются такими признаками, как постоянные экономические и политические кризисы, длительная рецессия и стагнация

в развитии. Если эволюция и революция означают поступательное и прогрессирующее наращивание и использование потенциальных возможностей для более высокого уровня развития, то чем определяются те общества, которые олицетворяют упадок, торможение и неспособность их преодолеть?

Такая постановка вопроса требует *разработки новых понятий*, адекватных нынешним рефлексиям современного общества, подверженного перманентным изменениям, нередко кардинальным, которые характерны не только для всего общества, но и для его основных сфер, процессов и явлений. В последнее время распространенной и даже модной тенденцией стало использование и успешное применение в политической жизни понятий *демократический* и *авторитарный пути развития*. Они стали критерием оценки прогресса или регресса в развитии стран: первые преподносились как образец совершенства, показатель успеха и благополучного будущего, вторые – как пример отсталости, ограниченности, бесперспективности. Однако попытки оперировать названными понятиями не оправдывают себя и не могут свидетельствовать в пользу эволюционного или революционного методов решения общественных проблем. По данным Всемирного банка, практически нет различий между так называемыми демократическими и авторитарными режимами при сравнении эффективности их развития. Так, эффективное развитие экономики зафиксировано почти в половине стран (52 %), относимых к демократическому политическому устройству, и практически в таком же количестве (48 %) стран с авторитарным режимом. Данная реальность позволяет поставить под сомнение абсолютное, непререкаемое и декларируемое преимущество так называемого демократического (а каковы его критерии?) устройства и такую же неоспоримую ограниченность авторитаризма. Именно это сопоставление и сравнение показывает, что *существуют другие показатели*, характеризующие успешность в поступательном и непрерывном развитии [18, с. 26–41].

В рассматриваемой ситуации не спасает и упование на рынок, рыночные отношения как на критерий прогресса и успешного развития. По подсчетам того же Всемирного банка, 48 % стран, их использующие, характеризуются неэффективной или малоэффективной экономикой, ущербными социальными отношениями, проблемным политическим устройством. Значит, для ряда государств критерием их жизнеспособности не являются ни характеристика политического режима (демократический или авторитарный), ни использование рыночных отношений. Таким образом, в этой группе стран есть другие не менее веские, а может быть, и более значимые критерии (характеристики, черты), которые на деле определяют лицо стран, характеризующихся нестабильным развитием.

А так как стран, которые не могут описываться с помощью показателей успешности развития и находятся длительное время в нестабильном, неустойчивом положении, насчитывается более полусотни, то именно поэтому возникла и научная, и практическая необходимость оперировать таким понятием, как *общество травмы*, чтобы выявить и объяснить принципиально иные характеристики и черты обществ, находящихся в длительном деформированном состоянии.

Если обобщить научное осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых деформационных процессов в странах с нестабильным развитием, то можно выдвинуть

важное теоретико-методологическое утверждение, что эти государства олицетворяют новую социальную модальность наряду с такими модальностями как эволюция и революция, что позволяет оперировать понятием *общество травмы* [19, с. 70–84].

Особо отметим, что при трактовке происходящих процессов с позиций двух основных характеристик направлений развития – революция и эволюция – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие «травма», как специфический, промежуточный вариант между названными путями развития.

Преобразование травмы в социальное понятие

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как физическое повреждение на теле, но и как рана сознания в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира»² [20, р. 6]. Постепенно при изучении понятия «травма» стали обращать внимание на его социальное содержание. Так, Ю. Хабермас связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [21].

Современные ревизии классического естественно-научного определения понятия «травма» привели к попыткам рассмотреть новую его трактовку как особое состояние общественных процессов, которые представляют собой неопределенность, деформированность, разноплановость их развития. П. Штомпка употребил это понятие при анализе проблем социально-культурного развития (социальная и культурная травма). Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает *травмы* как «социальные трансформации», в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [22, с. 6–7]. Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять особое внимание «коллективному агентству – активной, движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов» [22, с. 7]. Проблема культурной травмы уделил значительное внимание Н. Смелсер, который при изучении

происходящих в западных обществах потрясений определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом» [23, р. 38].

Известный американский социолог Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, т. е. являются непосредственными причинами деформирующего эффекта [24]. Подчеркнем, понятие «травма» относилось к социальным явлениям, имеющим *пространственно-временные границы*, и представлялось следующим образом (приведем лишь два характерных определения): состояние, переживаемое социальной группой или обществом в результате разрушительных событий [22]; процесс, определяющий болезненный ущерб коллективности, устанавливающий жертву, возлагающий ответственность, а также несущий идеальные и материальные последствия [25].

Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман [26]. Р. Айерман считает, что некоторые события, как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы [27]. Социальная трактовка данного понятия постепенно начала использоваться и при анализе других процессов, например при исследовании проблем коллективной идентичности, в том числе религиозной и этнической [28].

Что касается отечественных исследователей, то они, не употребляя данный термин, писали о травмирующих аспектах в экономике (А. В. Бузгалин и А. И. Колганов [29], М. Ф. Делягин [30], Р. С. Гринберг [31]), политике (Ю. А. Красин [32], В. К. Левашов [33], В. В. Пастухов [34], В. В. Федоров [35]), социальной сфере (М. К. Горшков [36], Ю. А. Левада [37]), сфере культуры и образования (А. С. Запесоцкий [38], О. Н. Смолин [39]).

²Здесь и далее перевод наш. – Ж. Т.

На наш взгляд, трактовки происходящих изменений, данные названными авторами, можно расширить до понятия «общество травмы», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф). Соглашаясь с основными объяснениями этого понятия П. Штомпки, уточним его применение и предложим иное объяснение или, вернее, иной подход.

С этой целью попытаемся дать характеристику ситуации, сложившейся в XX в. Дело в том, что до этого периода всеобщих процессов деформации ранее сложившегося развития не наблюдалось или они были крайне редки. Однако потрясения, вызванные Первой и Второй мировыми войнами, рост классовых конфликтов, постоянно увеличивающееся сопротивление колониальных стран навязываемому им западноевропейскому стандарту жизни, растущее число общественных катаклизмов, в том числе и различного рода вариантов масштабных конфликтных ситуаций, иногда перерастающих в революции, поставили под сомнение как непрерывность положительных изменений в жизни человечества, так и полноту существующих концепций и теорий, объясняющих противоречивое многообразие экономической и социальной жизни. Реальный ход истории показал, что нет линейности в ее развитии: современный мир стал свидетелем и регресса, и архаизации, и турбулентности [40].

Попытки объяснить эти «зигзаги» и «отступления» в отдельных государствах и обществах обычно сводились к выявлению объективных условий и субъективных факторов, которые давали возможность судить о причинах, приведших к деформациям, кризисам. Но они не отвечали на вопрос: «Как все же описать эти феномены не просто нестабильного развития, а длительные процессы многообразных проявлений стагнации и рецессии, происходившие в этих странах?» Подчеркнем, речь идет о понятии, интерпретирующем процессы, травмирующие все общество в режиме «вневременного времени» [25].

Попытки описать эти новые явления посредством понятия «кризис» не давали должного ответа о природе происходящих во многих странах процессов. Возникающие регулярно в капиталистическом мире кризисы имели достаточно отчетливые причины появления, были ограничены во времени и подвергались воздействию, приводившему к их преодолению. Но наряду с ними возникали и/или продолжали находиться в стадии рецессии и стагнации страны, которые не смогли преодолеть причины такого специфического явления, как отсутствие или крайне медленный рост экономики, политическую неустойчивость и, как правило, увеличение социального неравенства. Причем число таких государств росло. Стремление объяснить их существование в большинстве случаев ограничивалось анализом специфических особенностей, которые сложились, потому что эти страны не могли вписаться в новые тенденции технологического и информационного развития. В реальности они предпринимали меры, чтобы выйти из такого состояния, и некоторым из них это удавалось.

Но отличительная особенность травмированного общества от общества, находящегося в состоянии кризиса, заключалась в том, что состояние нестабильности сохранялось *длительное время*, нередко затягивалось на десятилетия. Применение апробированных антикризисных мер, приносивших желаемые результаты в других странах, не всегда оказывалось действенным. Тем более что понятия кризиса, стагнации и рецессии следует различать. «В отличие от кризиса, который несет в себе заряд послекризисного развития, стагнация не имеет внутренних пружин для будущего экономического роста» [41, с. 3–15].

Все это позволяет говорить, что и в научной, и в политической лексике появилось принципиально новое понятие – «общество травмы», *трактуемое как третья модальность наряду эволюцией и революцией*. Следовательно, в такой ситуации необходимо применить другие методы анализа, прибегнуть к использованию иного понятийного аппарата и попытаться найти общие и особенные характеристики этих обществ.

Библиографические ссылки

1. Мотрошилова НВ, Руткевич АМ, редакторы. *История философии: Запад – Россия – Восток. Книга 4. Философия XX в.* Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; 2000. 426 с.
2. Фуко М. *Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1982–1983 учебном году.* Санкт-Петербург: Наука; 2011. 677 с.
3. Кун Т. *Структура научных революций.* Москва: АСТ; 2003. 605 с.
4. Маркс К. К критике политической экономии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 13.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1959. с. 1–137.
5. Илюшечкин ВП. *Теория стадийного развития общества (история и проблемы).* Москва: Восточная литература; 1996. 406 с.
6. Семёнов ЮИ. *Марксова теория общественно-экономических формаций и современность.* [Интернет; процитировано 4 декабря 2019]. Доступно по: scepsis.net/library/id_120.html.
7. Шумпетер ЙА. *Теория экономического развития.* Москва: Экспо; 2007. 864 с.

8. Кейнс ДжМ. *Общая теория занятости, процента и денег*. Москва: Гелиос АРВ; 2002. 352 с.
9. Федотова ВГ. *Хорошее общество*. Москва: Прогресс-Традиция; 2005. 544 с.
10. Кравченко СА. «Нормальная аномия»: контуры концепции. *Социологические исследования*. 2014;8:3–10.
11. Покровский НЕ. Россия в контексте глобализации. *Социологические исследования*. 2000;5:61–75.
12. Матвеев ИА. Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России. *Полития*. 2015;4:25–44. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-25-47.
13. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет; 2011. 387 с.
14. Швырев ВС. Сциентизм и антисциентизм. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Москва: Канон+; 2009. с. 491–495. Совместное издание с РООИ «Реабилитация».
15. Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. Москва: АСТ; 2004. 602 с.
16. Сокольников Я. О гипотезе конвергенции социализма и капитализма. *Россия навсегда. Народные ведомости*. 2013, 13 февраля.
17. Ленин ВИ. О брошюре Юниуса. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 30*. Москва: Политиздат; 1981. с. 1–16.
18. Бартенев ВИ. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики. *Полис. Политические исследования*. 2017;2:26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.
19. Тощенко ЖТ. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). *Полис. Политические исследования*. 2017;1:70–84. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07.
20. Caruth C. *Trauma. Explorations in memory*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1995. 288 p.
21. Habermas J. The post-national constellation and the future democracy. In: Habermas J. *The post-national constellation: political essays*. Cambridge: MIT Press; 2001. p. 58–112.
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*. 2001;1:6–16.
23. Smelser NJ. Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. p. 31–59.
24. Alexander JC, Sztompka P, editors. *Rethinking progress: movements, forces and ideas of the end of the 20th century*. London: Routledge; 1990. 284 p.
25. Alexander JC. *Trauma. A social theory*. Cambridge: Polity Press; 2012. 180 p.
26. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press; 1989. 254 p.
27. Eyerman R. Social theory and trauma. *Acta sociologica*. 2013;56(1):41–53.
28. Eyerman R, Alexander JC, Breese E, editors. *Narrating trauma: on the impact of collective suffering*. Boulder: Paradigm Publisher; 2011. 296 p.
29. Бузгалин АВ, Колганов АН. *Глобальный капитал. Том 1*. Москва: URSS; 2015. 640 с.
30. Делягин М. В жерновах глобальной депрессии. *Свободная мысль*. 2013;1:124–133.
31. Гринберг РС. *Великая трансформация: невыученные уроки*. Москва; 2009. 302 с.
32. Красин ЮА. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. *Полис. Политические исследования*. 2003;1:124–133.
33. Левашов ВК. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя. *Социологические исследования*. 2015;10:31–38.
34. Петухов ВВ. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены. *Социологические исследования*. 2018;11:40–53.
35. Федоров ВВ. *Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения*. Москва: Праксис; 2010. 384 с.
36. Горшков МК. *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. Москва: Новый хронограф; 2016. 416 с.
37. Левада ЮА. *Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005*. Москва: Новое издательство; 2006. 710 с.
38. Запесоцкий АС. *Культура: взгляд из России*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2014. 848 с.
39. Смолин ОН. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? *Социологические исследования*. 2005;6:91–101.
40. Кравченко СА. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы. *Социологические исследования*. 2010;10:14–25.
41. Аганбегян АГ. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста. *Проблемы прогнозирования*. 2019;1:3–15.

References

1. Motroshilova NV, Rutkevich AM, editors. *Istoriya filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok. Kniga 4. Filosofiya XX v.* [History of philosophy: West – Russia – East. Book 4. Philosophy of the 20th century]. Moscow: Yuri Shichalin's Museum Greco-Latinum; 2000. 426 p. Russian.
2. Foucault M. *Germenevtika sub'ekta. Kurs lektii, pročitannykh v Kolledzh de Frans v 1982–1983 uchebnom godu* [The hermeneutics of the subject. Lectures at the Collège de France 1981–1982]. Saint Petersburg: Nauka; 2011. 677 p. Russian.
3. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST; 2003. 605 p. Russian.
4. Marx K. [To the criticism of political economy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 13* [Works. Volume 13]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1959. p. 1–137. Russian.
5. Ilyushechkin VP. *Teoriya stadiinogo razvitiya obshchestva (istoriya i problemy)* [Theory of the staged development of society (history and problems)]. Moscow: Vostochnaya literatura; 1996. 406 p. Russian.
6. Semenov YI. [Marx's theory of socio-economic formations and modernity] [Internet; cited 2019 December 4]. Available from: scepsis.net/library/id_120.html. Russian.
7. Schumpeter JA. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development]. Moscow: Ekspo; 2007. 864 p. Russian.
8. Keynes JM. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The general theory of employment, interest and money]. Moscow: Helios ARV; 2002. 352 p. Russian.

9. Fedotova VG. *Khoroshee obshchestvo* [Good society]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. 544 p. Russian.
10. Kravchenko SA. [«A normal anomie»: contours of conception]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;8:3–10. Russian.
11. Pokrovsky NE. [Russia in the Context of Globalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000;5:61–75. Russian.
12. Matveev IA. [Hybrid neoliberalization: state, legitimacy and neoliberalism in Putin's Russia]. *Politeia*. 2015;4:25–44. Russian. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-25-47.
13. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet; 2011. 387 p. Russian.
14. Shvyrev VS. [Scientism and anti-scientism]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon; 2009. p. 491–495. Co-published by the ROOI «Rehabilitatsiya». Russian.
15. Galbraith J. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The new industrial state]. Moscow: AST; 2004. 602 p. Russian.
16. Sokol'nikov Ya. [On the hypothesis of the convergence of socialism and capitalism]. *Rossiya navsegda. Narodnye vedomosti*. 2013 February 13. Russian.
17. Lenin VI. [The Junius pamphlet]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 30* [Complete works. Volume 30]. Moscow: Politizdat; 1981. p. 1–16. Russian.
18. Bartenev VI. From «failed states» to «states of fragility»: logic of conceptual acrobatics. *Polis. Political Studies*. 2017; 2:26–41. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.
19. Toshchenko ZhT. Trauma society: between evolution and revolution (the invitation to debate). *Polis. Political Studies*. 2017;1:70–84. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07.
20. Caruth C. *Trauma. Explorations in memory*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1995. 288 p.
21. Habermas J. The post-national constellation and the future democracy. In: Habermas J. *The post-national constellation: political essays*. Cambridge: MIT Press; 2001. p. 58–112.
22. Sztompka P. [Social change as trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;1:6–16. Russian.
23. Smelser NJ. Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. p. 31–59.
24. Alexander JC, Sztompka P, editors. *Rethinking progress: movements, forces and ideas of the end of the 20th century*. London: Routledge; 1990. 284 p.
25. Alexander JC. *Trauma. A social theory*. Cambridge: Polity Press; 2012. 180 p.
26. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press; 1989. 254 p.
27. Eyerman R. Social theory and trauma. *Acta sociologica*. 2013;56(1):41–53.
28. Eyerman R, Alexander JC, Breese E, editors. *Narrating trauma: on the impact of collective suffering*. Boulder: Paradigm Publisher; 2011. 296 p.
29. Buzgalin AV, Kolganov AN. *Global'nyi kapital. Tom 1* [Global capital. Volume 1]. Moscow: URSS; 2015. 640 p. Russian.
30. Delyagin M. [In the millstone of global depression]. *Svobodnaya mysl'*. 2013;1:5–18. Russian.
31. Greenberg RS. [The great transformation: unlearned lessons]. Moscow; 2009. 302 p. Russian.
32. Krasin YuA. [Political self-determination of Russia: problems of choice]. *Polis. Political Studies*. 2003;1:124–133. Russian.
33. Levashov VK. [Reforms and crises: thirty years later]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;10:31–38. Russian.
34. Petukhov VV. Dynamics of the social attitudes of the Russia's citizens and making of a public demand for change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;11:40–53. Russian.
35. Fedorov VV. *Russkii vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya* [Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior]. Moscow: Praxis; 2010. 384 p. Russian.
36. Gorshkov MK. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is: experience of sociological diagnostics]. Moscow: Novyi khronograf; 2016. 416 p. Russian.
37. Levada Yu. *Ishchem cheloveka: sotsiologicheskiye ocherki. 2000–2005* [We are looking for a person: sociological essays. 2000–2005]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. 710 p. Russian.
38. Zapesotskii AS. *Kul'tura: vzglyad iz Rossii* [Culture: a view from Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences; 2014. 848 p. Russian.
39. Smolin ON. [Higher education: struggling for quality or encroaching on human potential?]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2015;6:91–101. Russian.
40. Kravchenko SA. [Dynamics of modern social realities: innovative approaches]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2010; 10:14–25. Russian.
41. Aganbegyan AG. [On immediate actions to reinvigorate social and economic growth]. *Problemy prognozirovaniya*. 2019;1:3–15. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.12.2019.
Received by editorial board 06.12.2019.